

УДК 327

С. А. Ланцов

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В 2014 и 2015 годах отмечаются две памятные даты мировой истории: в 2014 г. – 100-летие с начала Первой мировой войны, а в 2015 г. – 70-летие со дня окончания Второй мировой войны. Оба исторических события столь огромного масштаба произошли в XX веке и вызвали политические последствия, которых до этого времени человечество не знало.

Возможность возникновения вооруженных конфликтов такого типа как Первая и Вторая мировые войны была обусловлена радикальными переменами в мировом развитии второй половины XIX – начала XX столетий. Международные отношения, ранее формировавшиеся на локальных и региональных уровнях, в результате перемен приобрели глобальный характер.

Происшедшие в международной жизни изменения отразились в появлении такого термина, как «мировая политика». С конца XIX в. этот термин начинает активно использоваться специалистами и политиками. Однако и сегодня среди политологов нет единства в понимании сущности феномена мировой политики [1, с. 53]. Термины «мировая политика» и «международная политика» многими авторами употребляются как синонимы. Представляется, что это неверно. Мировая политика – это не просто международная политика глобального масштаба. Появление мировой политики стало качественно новым этапом развития всей политической сферы. Мировая политика отличается от международной политики предшествующих столетий и по содержанию проблем, стоящих в ее

центре, и по характеру субъектов, действующих в ее рамках. Традиционные для международной политики проблемы межгосударственных конфликтов и межгосударственного сотрудничества дополнились проблемами выбора путей и целей экономического, социального и политического развития мира. Возникшие во второй половине XIX в. на базе глобальных политических идеологий (либерализм, консерватизм, социализм и т. д.) международные политические движения стали предлагать свои варианты общественного устройства, а также средств и способов их достижения. Эти движения институционализировались на мировой политической арене как сеть международных неправительственных организаций, тесно связанных с многочисленными партиями, организациями и движениями в отдельных национальных государствах. К концу XX в. граница, разделявшая внутреннюю и внешнюю политику, становилась все более проницаемой.

Отличия мировой политики XX века от традиционной международной политики весьма точно характеризуют Первая и, особенно, Вторая мировые войны. Эти войны отличались от войн предшествующих исторических эпох не только глобальными масштабами и техническими средствами ведения боевых действий. В рамках традиционной международной политики война всегда была крайней формой межгосударственных конфликтов. В итоге войн обычно пересматривались межгосударственные границы, менялся баланс сил как между участвовавшими, так и не участвовавшими в войне государствами. Первая же и Вторая мировые войны, кроме вышеназванных, имели и другие последствия, отразившиеся на развитии мирового политического процесса.

К специфическим предпосылкам Первой мировой войны, в отличие от вооруженных конфликтов более ранних исторических эпох, следует отнести тесное переплетение внутригосударственных и международных процессов, размывание грани между внутриполитической и международной сферами. Примером этого

могут служить этнополитические процессы, охватившие на рубеже XIX – XX вв. не только значительную часть европейского континента, но и другие регионы мира. К этому времени формирование наций и образование национальных государств, первоначально характерное для Западной Европы, стало общемировой тенденцией. Активизировались национальные движения, возросло их влияние на политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Американский этнополитолог Л. Снайдер выделял по отношению к тому историческому периоду два типа национализма [2, р. 48]. Первый он определял как «разъединяющий национализм», включая в него идеологию политических движений, стремившихся к созданию самостоятельных национальных государств на месте прежних полиэтнических образований в Центральной и Восточной Европе. Второй тип национализма Снайдер назвал «агрессивным национализмом». Именно такой национализм стал заметным явлением в начале XX в. В данном случае речь шла об идеологическом обосновании внешнеполитической экспансии или, иными словами, об империалистической внешней политике. Такая внешняя политика ведущих государств мира лежала в основе международных конфликтов, приведших в итоге к началу Первой мировой войны. Но и другой тип национализма в какой-то мере способствовал ее возникновению.

В предвоенные годы экономическая ситуация и международные отношения в Восточной Европе отличались появлением и возрастанием активности негосударственных акторов мировой политики. Анализируя положение, сложившееся тогда в австро-венгерской провинции Галиции, современный российский исследователь этнополитических процессов начала XX в. А.И. Миллер отметил несколько центров активности как в самой Галиции, так и вокруг нее. В их числе наряду с официальными властями Российской и Австро-Венгерской империи он выделил Католическую церковь, организации и движения различной политической ориентации, представлявшие интересы польского и русинского (украинского)

населения Галиции, а также организации и движения, действовавшие за ее пределами. «Большинство акторов этого списка, – констатировал А. Миллер, – можно охарактеризовать как внеимперские. Они активно пытались влиять на формирование идентичностей и лояльностей местного населения как путем финансовой поддержки тех или иных сил в провинции, так и посылкой туда своих агентов. Вопрос о возможной аннексии Галиции периодически обсуждался в правящих кругах Российской империи еще в середине XIX века, а в начале XX века... стал одним из ключевых пунктов внешнеполитической повестки дня русского национализма. В свою очередь, Вена, местные поляки и выступавший с ними в союзе Ватикан боролись с русофильскими настроениями в самой Галиции, а со временем стали поддерживать местных украинских националистов в их стремлении влиять на “русскую” Украину» [3, с. 38–39].

Наиболее остро этнополитические конфликты проявились в начале XX века на юго-востоке европейского континента, на Балканах. Здесь тесно переплетались внутренние и международные аспекты, что нашло выражение в таких заметных событиях международных отношений той эпохи как Боснийский кризис 1907 г., I и II Балканские войны. В конечном итоге и инцидент, спровоцировавший кризис, приведший к началу Первой мировой войны, был связан с этнополитическими аспектами международных отношений вокруг Балканского полуострова. В этом инциденте можно также увидеть взаимосвязь внутривосточных и международных процессов, участниками которых были как государственные, так и негосударственные акторы. Общепринято считать, что убийство эрцгерцога Фердинанда и его супруги было организовано сербской террористической группой «Млада Босна», действовавшей в аннексированной Австро-Венгрии Боснии. Официальные власти Сербии не имели отношения к этому террористическому акту. Однако сегодня известно, что существовали связи между боснийскими террористами и действовавшей на

территории Сербии организацией «Черная рука», членами которой были и сербские офицеры, состоявшие на службе в сербской армии. Выстрел Гаврилы Принципа, сам по себе бывший актом индивидуального террора, дал толчок международному кризису, завершившемуся в августе 1914 года началом общеевропейского вооруженного конфликта.

Как показали дальнейшие события, эта война имела и количественные, и качественные отличия от войн и вооруженных конфликтов прошлого. Ее быстрое превращение из европейской в мировую было непосредственно связано с тем, что в предшествующие десятилетия регионально-дискретная международная политика эволюционировала в глобальную мировую политику. Глобальный, общемировой характер войны определялся и тем, что военные действия вышли далеко за пределы европейского континента (Южная Атлантика, Дальний Восток, Ближний и Средний Восток), и тем, что в войне приняли участие многие неевропейские государства, в том числе такие крупные как Китай, Япония и США.

Вооруженные конфликты, имевшие место в Европе до Первой мировой войны, соответствовали критериям конвенциональных войн, в которых вооруженное насилие было направлено на уничтожение и ослабление именно военной мощи противника. В них не ставились цели подорвать или уничтожить внутреннее общественно-государственное устройство. В конвенциональной войне участвуют государства, признающие и уважающие суверенитет друг друга, придерживающиеся некоторых правил и ограничений. Такой характер вооруженных конфликтов соответствовал характеру традиционной международной политики, где внутренняя и международная сферы разъединены между собой. Первая мировая война началась как конвенциональная, но быстро переросла в войну тотального типа, в которой резко возрастают масштабы вооруженного насилия и его жертвами становятся не только непосредственные участники военных действий, но и мирное население. Кроме того, в тотальной войне

противники стремятся подорвать общественно-государственные институты друг друга, используя для этого широкий набор средств и ресурсов экономического, политического и духовно-идеологического характера.

С самого начала воюющие государства активно разыгрывали этнополитическую карту, стараясь использовать национальные движения в стане противника в собственных интересах. Осуществлялась пропаганда, направленная на определенные этнические группы во враждебных государствах, поддерживалась деятельность организаций, боровшихся против правительств этих государств. Из военнопленных отдельных национальностей создавались вооруженные формирования, участвовавшие в боевых действиях против армий тех государств, подданными которых они являлись. Германия и Австро-Венгрия делали ставку на польских и украинских националистов, а Россия и страны Антанты поддерживали национальные движения чехов, словаков и южных славян. Гонениям подвергались представители тех этнических групп среди населения собственных стран, в чьей лояльности власти сомневались. Примеры тому – репрессии австро-венгерских властей против русофильски настроенных жителей Восточной Галиции в самом начале войны и массовый геноцид армянского населения в Османской империи.

В своем стремлении нанести максимальный урон не только в военной сфере, воюющие государства перешли черту, ранее ограничивающую их вмешательство во внутренние дела противника. Это имело место и в таких полиэтнических государственных образованиях как Австро-Венгерская, Российская и других империй континентального типа. А. Миллер отмечает, что «только в ходе приготовлений к большой европейской войне и во время Первой мировой соседние империи стали столь активно, отбросив прежние ограничения, использовать этническую карту против своих противников. Сила национальных движений в этой макросистеме к

концу войны во многом была обусловлена тем, что они получили поддержку соперничавших империй, которые теперь боролись друг с другом “на уничтожение”» [3, с. 41–42].

Воюющие государства использовали не только внутренние этнополитические, но и социально-политические противоречия и конфликты противостоящей стороны, делая ставку на оппозиционные партии, организации и движения в их тылу.

Все воюющие государства в той или иной степени испытывали серьезные внутренние социально-политические трудности, претерпевали изменения, связанные с тем, что масштабные и продолжительные военные действия легли тяжелым бременем на большую часть общества. Следствием Первой мировой войны стал распад Австро-Венгерской, Османской империй, революционные события в Германии и многих других странах. Но наиболее важное событие в этой цепи, несомненно, – революция в России. Русскую революцию необходимо рассматривать и как реализацию тенденций, проявившихся в развитии мирового политического процесса в предшествующие десятилетия, и как качественный поворот в мировой политике XX в. Наметившаяся еще в конце XIX в. конкуренция проектов мирового общественного развития перешла из сферы теоретических дискуссий в практическую плоскость. При всем своеобразии русского большевизма его идейной основой стал революционный марксизм, который к началу XX в. был одним из распространенных идеологических течений. Другое дело, что реализация марксистской утопии на практике дала совершенно неожиданные результаты.

Социально-политические и идеологические различия, характерные для внутренней политики государств, в последние месяцы Первой мировой войны начинают проявляться в сфере международных отношений. Уже на заключительном этапе Первой мировой войны обнаружилось соперничество коммунистического и либерального проектов послевоенного мирного урегулирования.

Большевики, едва придя к власти, призвали к «миру без аннексий и контрибуций», провозгласили «право наций на самоопределение». Но с похожими идеями выступил и президент США В. Вильсон, выдвинувший 14 пунктов мирного урегулирования, в которых также речь шла о «мире без победителей». Анализируя предложения Вильсона, американский историк Дж. Гэддис отмечает: «Мы имеем дело по-своему с точно таким же амбициозным сценарием, как и у большевиков. Львиная часть последующей истории XX в. развивалась под знаком столкновения этих двух идеологий – Вильсон против Ленина, и обе они стали составным элементом мировой политики в течение двух с половиной месяцев, которые отделяли большевистский переворот ноября 1917 г. от послания президента Вильсона Конгрессу о “14 пунктах” в январе 1918 г.» [4, р. 5].

По ряду пунктов лозунги Ленина и Вильсона были весьма созвучными. Например, в вопросах самоопределения народов и у Вильсона, и у Ленина речь шла не только о Европе, но и о других континентах, в том числе о колониальных владениях в Азии и Африке. Соперничество двух альтернативных проектов деколонизации и догоняющей модернизации, особенно остро проявившееся в мировой политике второй половины XX в., берет свое начало в спорах вокруг основ миропорядка, который должен был утвердиться после Первой мировой войны. Некоторые исследователи, в частности И. Валлерстайн, обращают внимание на схожесть, а иногда и полное совпадение ленинских и вильсоновских идей и высказываний. Последний в своих работах даже ставит знак равенства между «ленинизмом» и «вильсонизмом» [5, с. 153].

Схожесть вильсоновских и ленинских положений объясняется тем, во многом они восходят к одним и тем же источникам. Вильсон озвучивал отнюдь не собственные оригинальные идеи. Его программа послевоенного мирного урегулирования основывалась на взглядах И. Канта, Дж. Бентама и других мыслителей конца XVIII – начала XIX вв., заложивших фундамент либеральной концепции перестройки

международных отношений. Некоторые элементы этой концепции использовали, интерпретируя их по-своему, и марксисты. Впоследствии идейно-теоретические подходы к международным отношениям, лежавшие в основе взглядов В. Вильсона, получили определение «политического идеализма». Такая характеристика подчеркивала непригодность подобных взглядов для проведения реального внешнеполитического курса вследствие их утопичности. Эта утопичность может рассматриваться как еще один элемент, сближающий идеи Вильсона и Ленина. Точно также как реализация ленинских идей и установок дала неожиданные и нередко противоречивые результаты, реализация некоторых из 14 пунктов мирного урегулирования «по Вильсону» привела к последствиям, которые оказались противоположны изначальным замыслам их автора.

Самоопределение народов должно было заложить основы прочного мира, устранить потенциальную опасность разрушительных вооруженных конфликтов, однако, на практике случилось обратное.

Кроме идеологии на мировую политику в период послевоенного мирного урегулирования продолжали оказывать влияние и традиционные факторы международных отношений, прежде всего геополитические. Лидеры большинства стран-победительниц на Версальской конференции руководствовались в своих подходах к формированию нового миропорядка отнюдь не либерально-идеалистическими принципами, а соображениями *Realpolitik*. Кроме того, представляется, что творцы Версальского мира не отдавали себе полного отчета в глубинных сдвигах, происшедших в мировой политике накануне и, особенно в результате Первой мировой войны.

Наиболее активно условия Версальского мира диктовали главные участники победившей в войне Антанты – Великобритания и Франция. Они стремились формировать послевоенный международный порядок в соответствии со своими традиционно понимаемыми интересами. Как отмечают авторы наиболее комплексного и системного исследования истории международных

отношений XX в., «великие европейские державы – Франция и Великобритания – смогли восстановить многополярную структуру европейских отношений приблизительно в той форме, которая казалась им идеальной. В духе европейского равновесия XIX века они позаботились о том, чтобы на континенте не было ни одной страны, которая бы слишком явно вырывалась вперед по своим геополитическим и иным возможностям» [6, с. 77]. Однако «это был старый европейский баланс сил без старой Европы» [6, с. 77]. Поэтому обеспечить прочный мир и всеобщую безопасность постверсальский международный порядок не смог.

Создание Лиги Наций стало одним из важных итогов Версальской конференции. Это объективно соответствовало эволюции системы международных отношений в сторону ее глобализации, но опыт функционирования первой в истории человечества универсальной международной организации оказался неудачным. Во-первых, оказались несовершенными организационные принципы функционирования данного международного института. Во-вторых, Лига Наций не объединила все важнейшие государства тогдашнего мира. Изначально за ее бортом остались побежденная Германия и попавшая в тех условиях международную изоляцию Советская Россия. Несмотря на то, что инициатором создания Лиги Наций был Вудро Вильсон, США после его ухода с президентского поста отказались участвовать в деятельности этой организации. Неспособность обеспечить выполнение своих же собственных решений, противоречия между декларируемыми целями и реальными результатами снижали авторитет Лиги Наций в мировом сообществе и постепенно привели к ее фактическому банкротству.

Имманентно присущие версальскому мирному урегулированию противоречия стали одной из причин возникновения нового глобального конфликта – Второй мировой войны. Версальский мир утвердил итоги, традиционно фиксировавшиеся по окончании всех предшествующих войн: пересмотр существовавших в предвоенный

период государственных границ, изменение баланса сил в международных отношениях. Но были и иные последствия Первой мировой войны, обусловленные качественным отличием новой мировой политики от международной политики прошлых столетий. Возрастание роли идеологии выразилось в возникновении и нарастании тенденции раскола мира по идейно-политическим линиям, дифференциации государств на основе социально-политических и идеологических факторов. В результате русской революции родилось принципиально новое государство в лице Советской России, а затем – СССР. В международной системе появились и иные государства «нового типа» – фашистские.

Фашистские движения и в Италии, и в Германии нельзя понять и объяснить, не учитывая исторического контекста Первой мировой войны и ее последствий. Фашизм как идеология, как политическое движение и как политический режим мог появиться только в условиях, порожденных мировой войной. Резкий всплеск националистических настроений, трудности и лишения военных лет, экономический кризис послевоенного времени, разрушение привычных социальных связей и структур, «атомизация» индивидов (по Х. Арндт) стали питательной средой для возникновения фашистских движений. Нельзя забывать, что основная часть как рядовых участников, так и лидеров этих движений (включая А. Гитлера и Б. Муссолини) – ветераны войны, вчерашние фронтовики. Идеология фашизма была прямой противоположностью левым идеологическим течениям и, прежде всего, марксизму, но фашисты стремились использовать опыт социалистических партий и движений, внимательно присматривались к практике русской революции и деятельности одержавших победу большевиков. Внешнеполитическая идеология фашистских режимов – как итальянского, так и германского – изначально имела ярко выраженный агрессивный, экспансионистский характер. Германия стремилась к реваншу и пересмотру условий Версальского мира.

Сегодня мы являемся свидетелями многочисленных, и порой ожесточенных, дискуссий по проблемам истории Второй мировой войны. Через 70 лет после ее окончания обнаружилась тенденция возложить равную ответственность за развязывание глобального военного конфликта на тоталитарные режимы – как на Германию, так и на Советский Союз. В качестве непосредственного пролога к войне называют Договор о ненападении между Германией и СССР, вошедший в историю под названием «Пакта Молотова-Риббентропа». Подобная интерпретация событий имеет ярко выраженную антироссийскую направленность и отпор, который встречают эти взгляды на страницах российских политических и научных периодических изданий, вполне оправдан. Однако некоторые участники дискуссий при рассмотрении международных отношений предвоенной эпохи обращают внимание преимущественно на геополитические факторы, оставляя в стороне факторы идеологического и социально-политического характера [7, с. 156]. Представляется, что геополитика и идеология тесным образом переплетались в мировой политике как накануне, так и во время Второй мировой войны. Роль идеологии во внешней политике отдельных государств могла усиливаться или, наоборот, ослабевать. Во внешней политике СССР в предвоенные годы идеологическая составляющая существенно уменьшилась по сравнению в послереволюционным периодом.

Кратковременное сотрудничество Советского Союза с гитлеровской Германией в начальный период Второй мировой войны не устраняло идеологической несовместимости между ними. СССР стремился противостоять фашистской угрозе различными способами. В отличие от ведущих стран Запада он был готов не только к созданию системы коллективной безопасности, но и к прямому вооруженному отпору фашистской агрессии. Накануне мюнхенских соглашений СССР предлагал свою помощь Чехословакии, которую западные державы подталкивали к капитуляции перед гитлеровской

Германией. Предпринятые после Мюнхена дипломатические маневры, основанные на геополитическом расчете, позволили Сталину избежать втягивания СССР в начавшуюся мировую войну в неблагоприятной для него обстановке. Но потенциально неизбежное вооруженное столкновение с гитлеровской Германией стало реальностью в момент начала ее агрессии против Советского Союза.

Вторая мировая война еще в большей степени соответствовала особенностям мировой политики XX в., чем Первая. Масштабы военного конфликта носили еще более глобальный характер: ее участниками стали государства практически всех материков и континентов земного шара, а военные действия развернулись на огромных пространствах. Так же как и во время Первой мировой войны дали о себе знать этнополитические факторы. Просчеты, допущенные в ходе проведенного после Версаля национального самоопределения, оказывали влияние на ситуацию как накануне, так и в период новой мировой войны. В еще большей степени усилилось влияние социально-политических и идеологических факторов на взаимоотношения между воюющими государствами и на положение внутри них. В значительной степени именно идейно-политические факторы определили главные линии размежевания во Второй мировой войне. Коалиция, противостоящая Германии и ее союзникам, недаром получила название «антигитлеровской». Фактически цель союзников заключалась не просто в военной победе над Германией, но и в полном уничтожении нацистского режима и породившей его идеологии.

Но внутри самой Антигитлеровской коалиции также проходила разделительная линия, по одну сторону которой находился коммунистический Советский Союз, а по другую – его западные союзники. Неоднородной была и коалиция, созданная гитлеровской Германией. В нее, наряду с откровенно фашистскими государствами и их марионетками, входили страны с традиционными авторитарными политическими режимами. Социально-политические различия между странами-союзниками обнаруживали себя в

зависимости от меняющейся военной ситуации. Пока Германия одерживала победы, она была способна контролировать своих союзников. Как только военная ситуация изменилась правящие круги большинства союзных Германии стран стали искать свои пути выхода из войны. В Италии король и верхушка армии организовали заговор, в результате которого фашистский режим Муссолини был свергнут. Примерно также события развивались и в Румынии. Диктатор Венгрии Хорти предпочел сам искать контакты с представителями стран Антигитлеровской коалиции, и лишь германское вмешательство остановило там румынско-итальянский вариант развития событий.

К концу 1944 г. большинство европейских союзников Германии – Болгария, Италия, Румыния, Финляндия – объявили ей войну. Верность Гитлеру сохранили лишь откровенно фашистские силы – нилашисты в Венгрии, «железнодорожники» в Румынии, хорватские усташи, остатки итальянских фашистов во главе с Б. Муссолини в так называемой «Республике Сало».

Социально-политические и идеологические различия между странами Антигитлеровской коалиции также по-разному проявлялись на различных этапах Второй мировой войны. На начальном этапе быстрый успех Германии заставил противостоящие ей страны и их лидеров насколько возможно забыть об идейных расхождениях и социально-политической несовместимости. У. Черчилль сразу же после нападения гитлеровской Германии на СССР заявил, что, несмотря на свой антикоммунизм, видит в Советской России союзника в борьбе против общего врага. И. Сталин ради военно-стратегических интересов в этот период отодвинул идеологический фактор на задний план и стремился не допускать шагов, которые затруднили бы сотрудничество с западными союзниками.

Однако и тогда социально-политические и идеологические различия между странами Антигитлеровской коалиции обнаруживали себя, например, в стремлении поддерживать разные группы в

движении Сопротивления. На оккупированных гитлеровцами территориях глобальный военный конфликт переплетался с внутренними вооруженными и социально-политическими конфликтами, в которых было множество участников. Силы, боровшиеся против оккупантов и местных коллаборационистов, придерживались разной идеологической ориентации и по-разному видели послевоенное будущее своих стран. Конечный результат конфликтов зависел не столько от баланса сил их непосредственных участников, сколько от баланса сил во всей мировой политике, менявшегося в ходе войны.

Чем ближе была победа над Германией и Японией, тем активнее становилось соперничество между СССР и его западными союзниками – США и Великобританией – по вопросу о политическом будущем отдельных стран, регионов и мира в целом. С одной стороны, шел закулисный политический торг о разделе сфер влияния, с другой стороны, военные решения все чаще принимались из соображений возможности установления впоследствии контроля над теми или иными геополитическими пространствами. В конечном итоге послевоенное социально-политическое развитие европейских и азиатских стран было определено тем, в какую сферу влияния они были включены, и тем, чьи вооруженные силы оказались на их территории. Например, в Польше коммунисты, не имевшие поддержки большинства населения, стали правящей партией, а греческие коммунисты, де-факто контролировавшие почти всю территорию своей страны, потерпели поражение в гражданской войне.

Последствия Второй мировой войны для мировой политики второй половины XX века оказались более существенными, чем последствия Первой мировой войны для мировой политики первой половины того же столетия. И причина этого не только в более масштабном изменении политической карты мира. Поражение в войне получила не просто коалиция государств во главе с Германией. Произошло крушение фашистских тоталитарных режимов, идеология

и антигуманная политическая практика фашизма была глубоко дискредитирована. В результате этой войны кардинально изменился баланс сил в системе международных отношений, которая на многие десятилетия стала биполярной, а также окончательно и необратимо приобрела глобальный, всеобщий характер. Вместо прежних «великих держав» в послевоенной мировой политике на первые роли вышли качественно новые акторы – сверхдержавы. Каждая из них – СССР и США – олицетворяла собой одну из альтернатив общественного развития: либерально-капиталистическую, с одной стороны, и коммунистическую, с другой. Это и определило содержание мирового политического процесса на несколько десятилетий, все основные события которых были связаны с соперничеством двух систем и возглавляющих и олицетворяющих эти системы сверхдержав. Соперничество между сверхдержавами приняло форму холодной войны, не раз грозившую обернуться реальным вооруженным конфликтом глобального характера. Проблема предотвращения новой мировой войны стала одной из важнейших проблем мировой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Цыганков П.А.** Мировая политика и ее содержание // Международные процессы. 2005. Том 3. № 1. С. 53-65.
2. **Snyder L.** The New Nationalism. New York., 1968. P.48.
3. **Миллер А.** Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 240 с.
4. **Gaddis J.L.** We Now Know: Rethinking Cold War History. N.Y., 1997.
5. **Валлерстайн И.** Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Издательство «Университетская книга», 2001. – 416 с.
6. Системная история международных отношений в двух томах / Под редакцией А.Д. Богатурова. Том первый. События 1918–1945 годов. М.: Культурная революция, 2006. – 480 с.
7. **Нарочницкая Н.** «Двойная игра великих держав» накануне решающих событий // Международная жизнь. 2009. № 10. С.156–166.